

В СПЕКТАКЛЕ «Божественная комедия», с которого начал гастроль в Свердловске Государственный Центральный театр кукол под руководством С. Образцова, есть одна довольно забавная эпизод. Создатель и архангелы лепят, как это и можно, если мерить Сибилю, человека из глины. Когда муторная работа окончена, бог отгоняет в сторону помощников и вдувает жизнь в брелкиле тело Адама...

О достоинствах и недостатках в постановке комедии И. Штока, рассказывающей историю «создания мира, сотворения природы, животных и человека», речь пойдет позднее. Но тем не менее, сцена «духотворения» глиняного макетика заслуживает быть вынесенной на первый план. Во всяком случае, если бы театр искал для себя символическую выдумку, лучшего сюжетного решения ему не придумать.

Конечно, в труппе возглавляемой С. Образцовым, лет богов. Тем более, невероятным было бы искать в ней людей, верших библейским сказкам. Но вряд ли можно найти для характеристики лица центрального театра кукол параллель удачнее, чем та, о какой сейчас идет речь. Ведь актеры, скрытые от глаз зрителя ширмой, делают историю то же чудо, что и Создатель в «Божественной комедии». Их талант и мастерство «духотворения», оживляют, заставляют двигаться, чувствовать маленьких человечков, слепленных и склеенных совсем не из плоти и крови, а из самой чужды для нас неорганической материи.

Однако так уж велика одаренность актера в их влюбленность в свое искусство, что трудно, даже заранее зная о тонкостях кукольного театра, не поверить в реальность героев, действующих на игровой площадке. Не случится почти нет такой рецензии или статьи, где бы образцовских кукол не называли живыми, ожившими в т. п.

Свердловчане же раз являлись возможностью убедиться в том, что в восторженных оценках критика не: натяжек и преувеличений. «Под шорох твоих ресниц», «Соло-

менная шляпка». «Необыкновенный концерт» — эти и другие спектакли завоевали прочные симпатии уральцев. И все же, откровенно говоря, никогда еще не представлялось такой блестящей возможностью проверить справедливость сопоставления выразительной пафоса кукольного театра и театра живых актеров, как в нынешние гастрольи.

Вот тут-то и надо снова вернуться к истории «о создании мира, первом грехопадении и о том, что из этого вышло». Комедия И. Штока, остроумно и едко высмеивающая библейские рассказы, принадлежит к числу тех особых произведений, где живой актер и кукла являются равноправными хозяевами спектакля. Привычные приемы драматического театра тесно переплетены в ней с условностью и спецификой театра кукол.

Само по себе сочетание таких сценических компонентов уже представляет для постановщиков задачу более чем сложную. Но она вполне разрешима, — доказывают своим спектаклем С. Образцов и С. Самодур. Разрешима, поскольку можно найти общие точки соприкосновения между различными по составу участниками эпизодами, попытаться через оформление, грим, внешний рисунок ролей добиться той золотой середины, которая придает сплаву двух театральныи условностей прочность и естественность.

Часто и успешно достигается в спектакле это необходимое единство разнородных красок и выразительности средств. Оно складывается из чуткой «кукольных», но не разрушающих до конца бытовую достоверность образов грима, костюмов Создателя и архангелов. На эту же мельницу льют воду и цезур и разбрызгивают художни-

Т Р И В С Т Р Е Ч И

ком Б. Тузулковым над толубой дугой «тверды» крупные звезды, золотое солнце, серебряная луна. И что самое важное, подкупает броская, изобретательная, построенная на метких и ярких гиперболах, мягкая и тактичная игра актеров С. Самодура (Создатель), К. Гуркина (Архангел весьма положительный) и М. Петрова (Архангел не весьма положительный). Есть что-то в их облике, жестах, манере спорить, удыняться, сердиться, соперничать друг с другом от рисованных героев известной графической серии Ж. Эффеля «Сотворение мира».

Это общее — ле в совпадении частности, не в повторении внешних черт. Оно — в основе трактовки образов, где сатирический заряд строится на верных жизненных наблюдениях, бытовой иронии и шарже. Оно — в обостренном ощущении исполнителями комедийного ключа пьесы, в которой И. Шток, так же как и Эффель, с веселым юмором сталкивает «торжественную патетику библейской темы с современными представлениями о возникновении и развитии человеческого общества».

В таком же ключе работают и куклы. Нельзя без улыбки вспомнить забавную наивность Адама, неукротимый нрав Женщины без имени и дискую хитрость рыжеволосой Евы. Куколловды З. Гердт, А. Гуськова и В. Смирнова буквально, как говарилось выше, вкладывают душу в маленьких человечков. Они умеют заставить нас почувствовать и удальить озорной блеск в голубых, круглых, словно пуговички, глазах Евы, улыбоваться мниной самостоятельностью Адама... Словом, забывавеш о том, что перед тобой всего-навсего искусство сделанные фигурки, за которыми являи силуэты одетых в синие костюмы настоящих актеров.

Но, сравнивая Адама и Еву с Создате-

лем и архангелами, не можеш не заметить неравноценности образов. Создатель и его помощники все-таки получились в спектакле рельефнее; заметнее, бросче. Тогда, вероятно, существует предел, за которым куклы уже не в состоянии тягаться с настоящими исполнителями?

Да, если судить по спектаклю «Божественная комедия», существует. И здесь нет противоречия со сказанным ранее. Позиции живых актеров и кукол в данном случае неравновесны. Последние просто обижены драматургом. И Шток, как только в пьесе появляются Адам и Ева, сбавляет сатирический антирелигиозный прищел. Вообще-то он по-прежнему попадает в мишень, но теперь уже не в яблоко. Рассказывая историю о сотворении человека, об изгнании первых людей из рая, он начинает размениваться на частности. Столкновение библейского и современного представлений о мироздании теряет свой философский смысл. Оно уступает место мелким улыбочкам по поводу врожденности женской хитрости, мужского самодовольства да семейных неурядиц, идущих от вечных споров о том, кто же в семье голова.

Спектакль сразу же становится мельче, теряет свою остроту, наступательный дух. Это и понятно. Как бы ни был смелым анекдот, не ему тягаться с убийственным смехом настоящей сатиры. И здесь нет никаких скидок на жанр. Сколько бы не было особенностей у кукольного театра, он остается театром. А это значит, что и в мире кукол существует, как принято писать в таких случаях, «припят драматургии». Если пьеса несовершенна, то никакая изобретательность режиссера, никакое актерское мастерство не помогут. Спектакль неминуемо окажется в проигрыше.

В этом еще и еще раз убеждает вторая гастрольная постановка театра С. Образ-

цова, именуемая «Мой, только мой!» — заграничная утопияшка в двух сериях». Из всех постановок, которые москвичи когда-либо показывали в Свердловске, эта отличается наибольшим техническим совершенством. Хотите верить, хотите нет, мне пришлось слышать мнение одной из зрителей, убеждавшей свою подругу:

— Этот спектакль снят на пленку!

И точно, эффект кинофильма во время действия получается полный. Наверное, так и нужно, поскольку пьеса Б. Тузулкова задумана как пародия на зарубежные кинобоевики.

Но на этом, собственно, и заканчивается достоинство спектакля. Б. Тузулков как художник оказывается сильнее Тузулкова-драматурга. Простое и обильное повторение голливудских штампов, кровавых сюжетных ходов и любовных мелочрам не сделало пьесу и постановку глубокими по содержанию, нужными и злободневными по своим идеям и целям. Фотографичное и бесстрастно копирующее приемы зарубежного кино воспринимается буквально, в лоб. «Мой, только мой!» как бы становится одним из боевиков, которые хотел, но не смог высмеять театр.

В связи с этим имеет смысл вспомнить, скажем, показанную в свое время свердловчанам комедию «Под шорох твоих ресниц». И там тоже высмеивалась кухня голливудских кинотроюков. Но именно высмеивалась. Вспомните, к примеру, сцены переделки сюжета «Кармен» в антибольшевистский фильм. Или сцену подбора дублерш, яля танщи «Кеверей». В этих эпизодах, как и во всем спектакле, не просто разоблачалась дурной вкус американских киноделов. Постановщики и автор видели в этих штампах более серьезные вещи. Они выступали против социальных сил, при помощи низкопробной продукции орудующих сознание людей, сеющих не-

доседе и вражду между ничи... Впрочем, зачем ссылаться на примеры прошлых гастрольи. И сейчас в репертуаре гостей есть спектакль, подтверждающий эти же мысли. Речь идет о «Черговой мельнице». По сравнению с другими, эта постановка выгодно отличается скромностью и простотой. Здесь нет эффектных трюков, дикторских комментариев, цветных титров. Но зато в спектакле много подлинного остроумия, размышлений о сильных и слабых сторонах человеческой натуры. В нем без ключоч едкая сатира на церковь, дается непримиримый бой черствости и жестокосердию.

Собственно, об этом можно было не говорить. Пьеса Я. Драй, так же, как и ее интерпретация И. Штока, хорошо известна. Спектакль, поставленный С. Образцовым и С. Самодуром, вот уже несколько лет не сходит со сцены. И эта его долговечность лучше всяких слов говорит о правоте и нужности проблем, которые затронуты автором. Этот успех снова и снова подтверждает необходимость тщательного и умелого подбора репертуара, к которому, судя по «заграничной утопиишке в двух сериях», в творческом коллективе подходят не всегда требовательно и последовательно.

А сегодня, когда подчеркивается перво-степенная важность строгого и взыскательного отношения работников искусства к своему творчеству, «спектакли типа «Мой, только мой!» не могут утешивать.

«Маленьких и своеобразных исполнителей в театре С. Образцова чаще называют живыми. Лучшие спектакли подтверждают это. Значит, куклы и те, кто вкладывает в них душу, способны, обязаны проявлять и большую требовательность к себе.

Л. МАКОВКИН.
УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

7 апреля 1963 г. 3-стр.

Уральский Рабочий
1. Свердловск